

М. А. Гераскин.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С б о р н и к V

Памяти В. А. Жуковского

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

Ю. Е. БОРЩЕВСКИЙ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ В. А. ЖУКОВСКОГО

Бумаги и рукописи В. А. Жуковского, составляющие фонд № 17 Архива востоковедов Института востоковедения Академии наук СССР, впервые были разобраны и описаны учеником Жуковского проф. А. А. Ромаскевичем, который взялся за эту работу по предложению акад. С. Ф. Ольденбурга. В небольшом предисловии к составленной им описи¹ Ромаскевич указывает, что рукописные материалы Жуковского поступили в Азиатский музей двумя партиями. Первая и основная часть их (241 единица хранения) была передана в Азиатский музей вдовой ученого В. А. Жуковской вскоре после кончины ее супруга (4 января 1918 г.). Кроме собственных материалов Жуковского, среди бумаг находились и весьма интересные документы из архива бывшего русского консула в Иране Ф. А. Бакулина, частично использованные В. А. Жуковским в статье «Российский императорский консул Ф. А. Бакулин в истории изучения бабизма»². Эти бумаги были также разобраны Ромаскевичем, и описание их (41 единица хранения) вошло в общую опись архива Жуковского.

После кончины В. А. Жуковской, последовавшей 30 августа 1928 г., Ромаскевич предпринял, как он отмечает в том же предисловии, «шаги по отбору и изъятию всех бумаг и рукописей, хранившихся у умершей и имеющих научный интерес», передал их (91 единица хранения) в Азиатский музей и присоединил к уже находившимся там материалам. Но, поскольку документы и бумаги первой партии к тому времени были систематизированы и перенумерованы, Ромаскевичу пришлось включить новые поступления в «Дополнения» к составленной ранее описи, сознательно пожертвовав для ускорения работы стройностью всей описи, в значительной степени утратившей из-за

¹ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 42 (690-а).

² ЗВОРАО, т. XXIV, 1917, стр. 33—90.

этого хронологическую последовательность в распределении материалов.

Таким образом, опись бумаг Жуковского, завершенная Ромаскевичем в 1932 г., состоит из двух частей — основной и дополнительной — и разбита на следующие разделы:

- 1) «Доклады и статьи» (№ 1—17 и 201—207)³;
- 2) «Копии рукописей» (№ 18—41 и 208—211);
- 3) «Описания рукописей Учебного отделения восточных языков Министерства иностранных дел» (№ 42—43; в «Дополнениях» соответствующего раздела нет);
- 4) «Переводы» (№ 44—51; в «Дополнениях» соответствующего раздела нет);
- 5) «Материалы по диалектологии» (№ 52—60 и 216—225);
- 6) «Материалы по археологии» (№ 61—66 и 226);
- 7) «Материалы по фольклору» (№ 67—68; в «Дополнениях» соответствующего раздела нет);
- 8) «Разное» (№ 69—104 и 227—248);
- 9) «Письма» (№ 105—154 и 251—259);
- 10) «Документы и деловые бумаги» (№ 155—173; по этому и нижеперечисленным разделам в «Дополнениях» материалов нет);
- 11) «Учебное отделение восточных языков Министерства иностранных дел» (№ 174—184);
- 12) «Практическая восточная академия» (№ 185—196);
- 13) «Проект Военного министерства» (№ 197—200).

Следует отметить, что в первый раздел — «Доклады и статьи» включены не только завершенные работы, но и предварительные материалы, собранные Жуковским. По своему содержанию эти статьи и материалы относятся к разным областям иранистики: истории, фольклору, суфизму, литературе и языкознанию; это справедливо также и по отношению ко второму и четвертому разделам описи.

При таком распределении материала затруднительно составить отчетливое представление о его характере, так как связанные по содержанию и часто дополняющие одна другую бумаги и рукописи находились не только в разных частях описи, но и в различных разделах.

Для устранения этого неудобства архив Жуковского было решено перегруппировать: «Дополнения» были ликвидированы и материалы из них перенесены в соответствующие разделы,

³ Номера, стоящие в скобках впереди, относятся к единицам хранения, занесенным в основную часть описи Ромаскевича, а следующие за ними — к «Дополнениям».

укомплектованные по систематическому принципу; материалы же разделов 1, 2 и 4 включены во вновь созданные разделы «Материалы по истории», «Материалы по суфизму» и «Материалы по литературе». Остальные разделы описи Ромаскевича остались почти без изменения, если не считать значительного сокращения раздела «Разное», из которого большая часть бумаг также была перенесена в соответствующие разделы. В ходе этой работы удалось обнаружить бумаги, документы и персидские рукописи Жуковского и Бакулина, не помещенные в опись Ромаскевича.

Все сказанное ни в какой мере не умаляет значения большой и важной работы, проведенной Ромаскевичем. Составленные им описания каждой отдельной единицы хранения в почти неизменном виде вошли в новую опись архива.

I

Прежде чем приступить к характеристике рукописного наследия В. А. Жуковского, необходимо хотя бы коротко рассказать о первой поездке ученого в Иран, которая так много дала ему с точки зрения изучения страны и сбора материалов, в значительной части вошедших в его фонд, рассматриваемый в данной статье.

Трехлетнее (1883—1886) пребывание Жуковского в Иране, куда он был командирован Факультетом восточных языков Петербургского университета, не только помогло ему глубоко изучить жизнь и культуру страны, но и в значительной мере определило его дальнейшие научные интересы. Документы и письма, хранящиеся в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР и в Архиве АН СССР, освещают этот важный и плодотворный период деятельности Жуковского.

«Отчет о пребывании в Персии»⁴, составленный ученым в марте 1884 г., дает ясное представление о первых месяцах его жизни в Иране. Как видно из отчета, основное внимание Жуковский уделял усовершенствованию в персидском языке. Здесь уместно упомянуть о его тегеранских учителях. В письме от 4 декабря 1883 г. к акад. В. Р. Розену он писал⁵: «Ахундом

⁴ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 10-а/427. — Выдержки из «Отчета» приведены в приложении № 1.

⁵ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 162. — Впоследствии Жуковский прекратил занятия с этим ахундом, однако не порвал с ним отношений, оставив его «своим агентом по книжной части, так как он связан с литографиями» (там же, № 163. — Письмо к В. Р. Розену от 15.II.1884 г.).

(имя его, к сожалению, не удалось установить. — Ю. Б.) я доволен: человек очень ученый, поэт, писатель, за неимением средств хранящий пока все в рукописях. Он, между прочим, принимает участие в издании «نامه دانشوران»⁶. О своем другом учителе, Молле Ибрагиме Мазендерани, Жуковский в письме к Розену от 11 мая 1884 г.⁷ сообщал, что он «очень образованный человек, хороший знаток «Месневи»⁸, но в то же время страшный чудака и оригинал».

Однако не только совершенствованием в персидском языке занимался Жуковский в Тегеране. Стремясь расширить свои познания в области принятого тогда мусульманского образования, он следовал совету Розена, который писал ему в Тегеран 9 января 1884 г.: «...советую продолжать во все время пребывания в Персии также (хотя бы и в уменьшенной дозе) и прием мусульманской науки, как бы она подчас ни надоела»⁹.

Жуковский завязывал связи с видными иранскими учеными и политическими деятелями, знакомство с которыми сохранилось на долгие годы. Среди его тегеранских знакомых были и такие, как мирза турецкого посольства Шевкет, «люти, поэт, страшная шельма, известный во всем Тегеране знаток персидского языка и поэзии»¹⁰. Жуковский пытался сблизиться с тегеранскими поэтами, но, к сожалению, это ему не удалось, так как «они все-таки видят в нас (т. е. европейцах. — Ю. Б.) неверных и сторонятся»¹¹.

Много времени и внимания уделял Жуковский поискам и покупке книг и литографий для библиотеки Факультета восточных языков Петербургского университета.

По приезду в Иран Жуковский приступил к сбору образцов стихов на различных языках и диалектах Ирана. Уже в феврале 1884 г. он писал Розену, что ему удалось переписать «очень важное... сочинение муллы Мухаммада Паришана на

⁶ «نامه دانشوران ناصری» — Биографический словарь выдающихся деятелей ислама составлялся коллективом авторов под руководством Али-Кули-мирзы Этезад ос-Салтане (см. приложение № 1, прим. 113), при жизни которого вышли два первых тома. С 1881 г. работу над словарем возглавил Мохаммед Хасан-хан Этемад ос-Салтане (см. Приложение № 1, прим. 116). Издание не окончено, всего вышло 7 томов.

⁷ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163.

⁸ «Мансави-йи маанави» — наиболее известное произведение Джелал-ад-Дина Руми (1207—1273) — поэта и основателя дервишского ордена *исмаили*.

⁹ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 10/105—154.

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, письмо 3.

¹¹ Там же.

курдском языке» и «четверостишия Баба Тагира Гамаданского в наречии лурийском»¹².

Весьма интересны замечания В. А. Жуковского в его отчете о детской сказочной литературе в Иране. В. А. Жуковский был одним из первых европейских ученых, понявших огромную роль этой литературы в жизни населения Ирана. В своих исследованиях он неоднократно возвращался к этой теме.

В октябре 1884 г. Жуковский выехал из Тегерана в Исфган, где прошел наиболее плодотворный период его деятельности в Иране. В Исфгане он занимался в основном изучением местных диалектов и бахтиарского наречия, а также собирал образцы народного творчества. Он работал много и упорно, неделями подряд записывая слова и тексты. Жуковский не раз сообщал Розену о трудностях, которые ему приходилось преодолевать. Розен же не оставлял своего ученика советами и помощью: он показал К. Г. Залеману материалы, присланные Жуковским из Ирана, просмотрев которые Залеман сделал свои замечания и составил для Жуковского инструкцию для записывания текстов.

При сборе фольклорных произведений верной помощницей Жуковского была его жена.

5 января 1885 г. Жуковский писал Розену: «Примусь за песни мутрибов, которые можно смело отнести к разряду персидских народных. Слагаются они самим мутрибом и долго не остаются в употреблении — два-три года, а затем забываются, заменяясь новыми. Каждая новинка в этом роде, появившаяся в Тегеране или другом месте, быстро распространяется по прочим городам»¹³. В письме к Розену от 2 февраля 1885 г. Жуковский отмечал, что ему удалось записать песни «у одного «таклидчи», или «муккалида», нечто вроде балаганного шута: мутрибы низкого разбора, бродящие по деревням и по домам незажиточных горожан, всегда имеют в своей среде одно такое лицо для потехи публики... Иногда предметом рассказа (таклидчи. — Ю. Б.) служит жгучая правда, горькая действительность, выраженная в стихах, сложенных подчас грубовато, но зато сильно и выразительно»¹⁴. Этот народный певец навел Жуковского на мысль собрать народные стихи о голоде 70-х годов XIX в. в Иране. О ценных материалах такого рода, сохранившихся в архиве Жуковского, подробнее будет сказано ниже.

¹² Там же, письмо 1.—Копия «Паришан-наме», содержащая 351 бейт, хранится в Архиве ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, 5/426-60.

¹³ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 164, письмо 1.

¹⁴ Там же, письмо 3.

В Исфагане Жуковский пытался записывать народные сказки, но вскоре отказался от этой мысли, так как, во-первых, все его информаторы знали лишь опубликованные в многочисленных литографиях произведения, а во-вторых, потому что «самая суть прелести (сказок. — Ю. Б.), — писал Жуковский 17 декабря 1885 г., — заключается в передаче, способе рассказа. Живая речь, переполненная остротами, крепкими словами (без них перс, как и русский человек, немислим!), на бумаге превращается в наисухое повторение گفت و رفت. Знай я стенографию, было бы другое дело. А что персы мастера рассказывать, несомненно, особенно дервиши. Я целыми часами заслушивался...»¹⁵.

21 марта 1886 г. Жуковский вместе с женой выехал в Шираз. Во время этой поездки ему удалось пополнить свои диалектологические материалы записями образцов текстов из деревень Сивенд, Абду и Келюн, а также курдскими текстами из деревни Талахедешк. О существовании секты «ахл-и хакк» он впервые узнал от жителя Талахедешка, курда «рода Казиегенд, колена Кальхани, племени гуран»¹⁶. Жуковский сообщал Розену: «Данные о секте الحق я пополнил, — много любознательного»¹⁷. Как известно, впоследствии В. Ф. Минорский, узнавший о существовании этой секты от В. А. Жуковского, посвятил ей обстоятельное исследование¹⁸.

Поездка в Ширазполнила и собрание народных произведений Жуковского. Ему удалось записать поэму о голоде, а его жене — ряд колыбельных песен.

Уехал Жуковский из Ирана обогащенный новыми знаниями, с коллекцией материалов, принесших ему в дальнейшем заслуженную славу.

II

Среди материалов Жуковского по истории прежде всего следует отметить его неопубликованную студенческую работу «Сведения Али-Эфенди о славянах в сравнении с прочими турецкими историками (со времени Мурада I до Мухаммеда II

¹⁵ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 164, письмо 12.

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 165, письмо 8.

¹⁷ Там же, письмо 9.

¹⁸ В. Ф. Минорский, *Материалы для изучения персидской секты «Люди истины» или Али Илахи* («Труды по востоковедению, изд. Лазаревским институтом восточных языков», ч. 1, вып. 33, М., 1911). См. также: V. Minorsky, *Etudes sur les Ahl-i Haqq* («Revue de l'histoire des religions», vol. 97, 1928, p. 90—105); V. Minorsky, *Notes sur la secte des Ahl-i-Haqq* («Revue du monde musulman», № 40—41, 1920, p. 19—97; № 44—45, 1921, p. 205—302).

еключительно)»¹⁹, за которую он получил золотую медаль. Работа включает: 1) введение с характеристикой Али-Эфенди как историка и изложением задач, поставленных автором перед собой; 2) текст и перевод из «Кюн-гуль Ахбар» Али-Эфенди, сделанный по рукописи Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, причем некоторые места сличены с тремя другими рукописями (лейденской, венской и константинопольской); 3) «Примечания к переводу Али-Эфенди и сравнение его сказаний со сказаниями других османских писателей...»; 4) «Материалы для «Истории славян» по турецким источникам. Извлечения из османских, персидских и арабских летописей...» и др.

Несмотря на то что эта работа была написана Жуковским еще в студенческие годы и что с тех пор наши знания по истории славян обогатились многочисленными новыми сведениями, она до сих пор не утратила своего значения как тщательный и полный свод материалов по данному вопросу. Необходимо также отметить, что многие комментарии Жуковского к приведенным им текстам носят характер самостоятельного исследования. Поражает тщательность отделки и каллиграфический почерк, которым написаны тексты.

Материалы Жуковского по средневековой истории Ирана представляют собой выписки из различных сочинений иранских авторов. В основном они носят характер подсобных материалов. Однако две работы заслуживают более подробного рассмотрения.

Первая из них — перевод легенды о Тимуре и Насир-и Хосрове. Сочинение, с которого сделан перевод, впервые было кратко отмечено Б. Дорном, который назвал его «Тимур-наме»²⁰, не указав имени автора.

Изучая это сочинение, Жуковский установил, что его написал некий Абд ар-Рахман Сират и что «Тимур-наме» является в действительности первым томом задуманного автором обширного труда, который должен был охватить период от рождения Тимура до времени создания сочинения в 1124 г. х. (1712), названного самим автором «Куруз ва-л-аазам»²¹. Этот том представляет собой историю Тимура, скомпилированную из многих источников, и обнимает время от рождения Тимура до его смерти.

¹⁹ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 15/754—201.

²⁰ «Mélanges asiatiques», vol. V, SPb., 1868, p. 457.

²¹ В рукописи Учебного отделения восточных языков Министерства иностранных дел № 549, ныне находящейся в Институте востоковедения

В незаконченном введении к своим переводам Жуковский пишет, что сочинение это не имеет ценности как исторический источник, но «литературных легенд интересных содержит очень много»²². Две из них Жуковский перевел по сводному тексту, составленному им по трем рукописям, ныне хранящимся в собрании Института востоковедения АН СССР. Это «Рассказ о притязании Муканны»²³, т. е. Насир-и Хосрова, на пророчество в Шахрисябзе и отправление Сахиб-кырана (Тимура. — Ю. Б.) к автору «Хидая»²⁴ и обнаружении веры мухаммедовой» и «Рассказ об отправлении Сахиб-кырана к сочинителю «Хидая», приход его в область Шахрисябз и словопрение с Насир-и Хосровом и умертвление его мерою Сахиб-кырана».

В незаконченном введении к переводам Жуковский пишет: «Эта легенда, в которой при богатом вымысле ее автора причудливо смешаны лица исторические, иногда с их исторической обрисовкой, и лица несомненно вымышленные, лица разных веков — от II до VIII в. х. — создана автором «Тимур-наме»

АН СССР (С 1927), оно названо также «Тарих-и Тимури». В отрывке из введения к этому сочинению, опубликованному Валидовым (ЗВОРАО, т. XXIII, вып. 3—4, 1915, стр. 246), также приведено название «Куруз ва-л-аазам»; там же говорится о делении его на два тома и дается краткое содержание их.

В собрании Института востоковедения АН СССР имеется шесть рукописей «Куруз ва-л-аазам»; 1) С378 (566а), 428 л., 1235 г. х. (1819/20), упомянута Б. Дорном; 2) С379 (566в), л. 85—181а, 1273 г. х. (1856/57), упомянута в «Mélanges asiatiques», vol. X, 1894, p. 291, под № 28, сокращенная по сравнению с С378 редакция, без предисловия; 3) С1927 (Уч. отд. МИД № 549), 584 л., 1276 г. х. (1859/60), нет 6 листов в конце, та же редакция, что С378; 4) D67 (566 ав), 476 л., 1303 г. х. (1885/86), упомянута Валидовым; предисловие отличается от других списков; 5) С1636 (Nov. 1348), л. 986—1886 — извлечения; установлено О. Ф. Акимускиным; 6) С2336, 279 л. — сокращенная редакция, но с обширным предисловием; установлено О. Ф. Акимускиным.

В каталоге А. А. Семенова («Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1952) описаны четыре рукописи «Куруз ва-л-аазам», но под названием «Тимур-наме» (№ 185, 186, 187, 188), причем автором ошибочно назван Мирза Румуз.

Следует внести соответствующие исправления в справочник С. А. Storey, *Persian literature. A bio-bibliographical survey*, vol. I, sec. II, fasc. 2, London, 1936, p. 290, № 359(2), где отмечена только наша рукопись С378, как анонимное сочинение «Тимур-наме».

²² Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 1/426—17.

²³ Восстание Муканны происходило в 776—783 гг. См.: А. Ю. Якубовский, *Восстание Муканны («Советское востоковедение»*, вып. V, 1948).

²⁴ هدایه («Руководство») представляет собой составленный знаменитым законоводителем Бурхан ад-Дином Али аль-Маргинани ар-Риштани (ум. в 1197 г.) комментарий к его собственному юридическому трактату *بدایة المبتدی* («Первоосновы начинающего»). Этот комментарий получил

единственно для вящего прославления Железного Хромца, как ревностного поборника правоверного ислама и жестокого врага всяких еретических учений. Но автор, вероятно, не предполагал, что, отождествляя Насир-и Хосрова с Мукаинной, главою «одетых в белое платье», он свидетельствует о том, что в XII в. х., во время составления книги, в Средней Азии память о сторонниках идей Абу-Муслима, а стало быть, и самих идеях была жива и свежа, а противопоставляя Насир-и Хосрова Тимуру, он подчеркивает лишний раз мощь фигуры исмаилитского проповедника... далеко за пределами глухих уголков, где он до сих пор пользуется обаянием среди своих последователей. Эта мощь усматривается, кроме приведенной легенды, еще из того, что автор «Тимур-наме» с именем Насир-и Хосрова связывает в ранние годы жизни Тимура выступление в Кухистане близ Каввина Хаким-и Низари, товарища Насира, с проповедью учения о переселении душ и, незадолго до восшествия Тимура на престол, появление в Кашгаре сына Насир-и Хосрова Мансура, который проповедовал, что он, Мансур, — Махди, а эмир Тимур — антихрист».

Введение и сам перевод Жуковским не отделаны окончательно, но работа эта заслуживает того, чтобы быть доведенной до конца и опубликованной.

Перевод еще одной легенды из известного сочинения «Кандийа»²⁵ был предпринят Жуковским в связи с пробудившимся у него интересом к истории архитектурных памятников Средней Азии.

«В этом отношении, — писал он во вступлении к переводу легенды о «Шах-и Зенде», — весьма распространенные в Туркестане, но весьма мало изученные в литературе — русской и иностранной — сочинения, посвященные истории Самарканда, — «Самарние»²⁶ и «Кандие».

«широкое распространение по всему мусульманскому Востоку, особенно в странах ханифитского толка законоведения, как в Средней Азии...» (см. «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР», т. IV Ташкент, 1957, № 3083, стр. 217).

²⁵ قندييه [Сахарная (книга)]; полное название «Сахарная книга по истории Самарканда» — агиографическое сочинение, содержит сведения по топографии и истории Самарканда. Историю написания и содержание сочинения см.: Н. Д. Миклухо-Маклай, *Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения АН СССР*, вып. I, Л., 1955, № 4, стр. 15—18. Использованная Жуковским для перевода легенды рукопись В673 описана там же (стр. 20, № 8).

²⁶ ثمرية — историко-топографическое описание Самарканда и округ составленное в начале XIX в. (см. Н. Д. Миклухо-Маклай, *Описание таджикских и персидских рукописей...*, стр. 95, № 82).

Извлечь из них все, относящееся до истории самаркандских древностей, — задача благодарная и отнюдь не головоломная... Предложенная заметка есть первая попытка такого рода работы».

Жуковский дал перевод легенды о скрывшемся в колоде патроне города Самарканда Шах-и Зенде (Живом шахе. — Ю. Б.)²⁷.

Материалы по истории Ирана XIX в. представлены в архиве гораздо полнее, и среди них имеются уникальные и очень редкие памятники, как, например, рукопись на французском языке — дневник военного инженера Семино, французского подданного, долгое время находившегося на иранской службе.

История находки этой рукописи такова. Разыскивая в книгах и бумагах библиотеки Российской миссии в Тегеране сборники персидских слов, писал Жуковский Розену 4 декабря 1883 г.²⁸ «я нашел одну вещь, не знаю, как туда попавшую: записки Бертелеми Семино, французского инженерного офицера, состоявшего на персидской службе и во время последней войны с Россией находившегося в главной квартире Аббас-Мирзы; он же был вторым уполномоченным от Персии при проведении русско-персидской границы в силу Туркманчайского договора. Рукопись в высшей степени интересна, помимо истории, и в географическом отношении, потому что весь его маршрут снят топографически». Розен отвечал: «Весьма удачна Ваша находка в библиотеке миссии! По возвращении Вы могли бы ее напечатать в Записках Географического общества. Подобные записки всегда очень интересны»²⁹.

Некоторые биографические сведения о Семино мы находим в его собственных записках. В письме к французскому послу в Турции, отправленном из Урмии 1 июля 1827 г. (его черновик имеется на л. 1106—111а рукописи), Семино сообщает о себе, что в 1814 г. он служил офицером в итальянской армии принца Евгения Богарне и что он уже четыре года (т. е. с 1823 г.) находится в Иране. Из них он «три с половиной года состоял на службе английского правительства Индии в качестве инженера-топографа, находясь в подчинении майора Монтейт (Monteith)... но навсегда оставил английскую службу и поступил на персидскую службу в качестве военного инженера».

Во время русско-иранской войны 1826—1828 гг. Семино находился при ставке Аббас-Мирзы и выполнял его различ-

²⁷ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 4/426—45.

²⁸ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 162, письмо 9.

²⁹ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 10/427—127, письмо от 9.I.1884.

ные поручения. После заключения Туркманчайского мира Семино был назначен вторым комиссаром персидской стороны комиссии по установлению границы между Россией и Ираном.

После убийства полномочного министра-резидента в Иране А. С. Грибоедова (11 февраля 1829 г.) Семино в составе свиты Хосров-Мирзы побывал в Петербурге и вместе с ним вернулся в Иран³⁰.

И. Ф. Бларамберг, путешествовавший по Ирану в 1837—1840 гг., упоминает Семино в списке иностранных офицеров, состоящих на службе в персидской армии³¹.

В канун 1843 г. И. Н. Березин познакомился с Семино на встрече Нового года в русском посольстве в Тегеране³².

В 1868 г. Семино находился еще в Иране, о чем свидетельствует запись, сделанная им на л. 1а нашей рукописи: «6 мая 1868 г. мой сын родился в Тегеране (Б. Семино)»³³.

Таковы скудные биографические данные о Семино, которые нам удалось установить. Можно полагать, что внимательный просмотр трудов многочисленных путешественников, побывавших в Иране за период с 1823 по 1870 г., позволит обнаружить новые и более полные сведения об авторе записок.

Рукопись Семино³⁴ представляет собой тетрадь в оклеенной кожей картонном переплете, содержащую 234 листа размером 24,2×20,3 см; бумага русская, с водяным знаком «УФКПК, 1823»; в тетрадь вложен отдельный лист размером 35,5×22,2 см. Листы 1296—219а чистые, остальные заполнены с обеих сторон, причем л. 3а—93а пронумерованы самим Семино постранично (181 стр.) Текст написан очень мелким, убогим и часто трудноразбираемым почерком, черными чернилами. На

³⁰ См.: «Акты, собранные Кавказской археологической комиссией», т. VI, ч. II, Тифлис, 1875, стр. 391 (где он назван «Семино, французский инженер, греческого происхождения»); т. VII, 1878, стр. 704, 710—711.

³¹ «Капитан Семино, француз, инженер — 500 туманов в год. (После гератского похода он получил от шаха чин сартипа, или генерал-майора, с 1000 туманами жалованья и до сих пор находится в Персии.)» [И. Ф. Бларамберг, *Статистическое обозрение Персии, составленное в 1841 г.* («Записки РГО», кн. 7, 1853, прибавление IV, стр. 82)].

³² «Французское общество (в Тегеране. — Ю. Б.) состояло из генерала персидской службы Семино, ездившего в Петербург с Хосров-Мирзой, занимающегося съемками разных местностей Ирана и поездками в мало посещаемые области» (И. Н. Березин, *Путешествие по Северной Персии*, Казань, 1852, стр. 161—162).

³³ Это был третий ребенок Семино, родившийся в Тегеране. На том же листе имеются еще записи: «4 сентября 1833 г. — Мари родила...»; «1 января 1844 г. — мой сын родился в Тегеране».

³⁴ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 36/367.

л. 2а имеется рисунок: набросок развалин Персеполя с двумя человеческими фигурками в иранской одежде на переднем плане.

В этой тетради автор делал записи самого различного характера: от названий книг, «которые следует добыть при первой возможности» (л. 3а), и текстов различных прокламаций Наполеона (л. 13а—14б) до черновиков писем и связанных повествований о пережитых им событиях. Приводимое ниже оглавление рукописи дает представление о ее характере ³⁵.

1. «Копия моего собственного письма из Сараба (Сараб — ныне центр одноименного шахрестана, в 124 км к востоку от Табриза. — Ю. Б.) от 1 июля 1826 г. господину Константину Грегюару (Constantin Gregoire) в Тифлисе» (л. 18а—25а). Письмо посвящено путешествию Семино по Гилян, где он производил топографические съемки в долине р. Кызыл-Узен (Сефидруд) в том же 1826 г.

2. «Журнал моего маршрута от города Табриза до впадения реки Кызыл-Узен (Сефидруд) в Каспийское море...» (л. 26а—60а). Журнал содержит данные топографических съемок Семино. Путь, пройденный автором за полтора месяца (со 2 апреля по 15 мая 1826 г.), описан подробно; против каждого населенного пункта указываются его координаты, высота над уровнем моря и другие сведения; дается краткая характеристика с указанием численности населения.

3. Запись о выезде автора 22 сентября 1828 г. из Табриза к месту работы русско-иранской разграничительной комиссии. 1 октября 1828 г. Семино, направлявшийся в Нахичевань, встретился на берегу Аракса с А. С. Грибоедовым (л. 61б), который ехал в Табриз. На л. 62а—76а имеются лишь топографические сведения, оформленные в виде журнала.

4. «Письмо Мехмед-хану — вождю одного из шахсевенских племен, от 1 декабря 1828 г. из Ленкорани в его лагерь на Мугани» (л. 77а—77б). Письмо касается вопросов, связанных с установлением русско-иранской границы.

5. «Письмо господину Мустоуфи Мирза Масуду ³⁶, первому комиссару разграничительной комиссии, в Ардебиль. Ленкорань, 1 декабря 1828 г.» (л. 78а—79а). Письмо касается тех же вопросов, что и предыдущее.

³⁵ Записи на л. 3а—17б не имеют прямого отношения к Ирану и не содержат автобиографических данных. В кавычках приводятся заглавия, данные самим Семино; отсутствие кавычек означает, что в рукописи эта запись не имеет заглавия.

³⁶ Мирза Масуд — министр Аббаса-Мирзы; участвовал во всех конференциях, завершившихся подписанием Туркманчайского мирного договора, сопровождал Хосрова-Мирзу при его поездке в Петербург. А. С. Гри-

6. «Описание границы между Россией и Персией, проведенной и установленной в 1828 г. комиссарами обеих держав» (л. 80а—91а). Французский текст русско-иранского соглашения о границе с подробным ее описанием.

7. Роспись налогов, получаемых с различных районов и отдельных городов и племен Ирана, в харвах зерна и денежных единицах (туманах). Приведены данные о 38 районах и городах; сюда же включены сведения о нескольких племенах (например, о курдах-шеккаки) Иранского Азербайджана. Источник сведений не указан. Для района «Дохерган» (Даххваркан) отмечается только общая сумма налогов (л. 92а).

8. «Маршрут из Табриза в Петербург. Путь персидского посольства (Хосров-Мирзы), выехавшего из Табриза 22 апреля 1829 г.» (л. 105б—106б). Указаны пункты остановок посольства и расстояния между ними.

9. «Список членов правящего рода Каджаров: сыновья Фатх Али-шаха» (л. 107а—108а). Перечислены 57 сыновей Фатх Али-шаха с указанием должностей, занимаемых восемнадцатью из них.

10. «Список зятьев Фатх Али-шаха» (л. 108а—109а). Названо 26 человек.

11. «Главные чины двора» (л. 109а—110а). Приведены имена 45 придворных Фатх Али-шаха.

12. «Семья наследного принца Абасса-Мирзы» (л. 110а—110б). Перечислено 27 человек.

13. «Письмо его превосходительству господину графу де Гийемино (de Guilleminot), послу Франции в Турции. Из города Урмия в Азербайджане; 1 июля 1827 г.» (л. 110б—111а).

Письмо это, сведения из которого о Семино приводились выше, было отправлено им по просьбе иранского правительства совместно с письмом уже упоминавшегося Мирзы Мас'уда. Цель посылки писем заключалась в том, чтобы с помощью французского посла в Турции добиться публикации в европейской периодической прессе выгодного Ирану объяснения причин, вызвавших русско-иранскую войну. Письмо Мирзы Мас'уда, очевидно, представляло собой своего рода полуофициальное заявление по этому поводу. Семино характеризует Мирзу Мас'уда как хорошо известного друга Франции и просит посла оказать содействие в его просьбе.

боедов хорошо отзывался о Мирзе Мас'уде. Он писал 23 августа 1829 г.: «Я только что получила официальное сообщение, что комиссар по разграничению уже назначен: это Мирза-Массуд, честность и прекрасные манеры которого хорошо известны» (А. С. Грибоедов, *Путевые записки Кавказ — Персия*, Тифлис, 1932, стр. 88).

14. «Отъезд из Урмии для соединения с главной квартирой в Хое. 1 июня 1827 г.» (л. 1116—1156). Описание достопримечательностей оз. Урмия (Резайе), въезда Фатх Али-шаха во главе персидских войск в военный лагерь, расположенный близ города Хой; детальное описание вооружения и обмундирования различных родов иранских войск (кавалерии, вьючной артиллерии, военного оркестра, пехоты, обоза).

15. «Письмо госпоже Луизе де ла Мариньер (Louise de la Marinière) от 9 июля 1827 г.» (л. 116а—123а).

Подробное описание иранского военного лагеря; поведение иранских войск на собственной территории; строевые и тактические учения иранских войск.

16. Записки о военных действиях под Аббасабадом: разгром русскими войск Аббас-Мирзы на правом берегу Аракса, около Аббасабада; беспорядочное бегство иранских войск; возвращение Аббас-Мирзы в лагерь Чорсу; поездка Семино в Хой с целью укрепления города; свидание А. С. Грибоедова с Аббас-Мирзой; отъезд Аббас-Мирзы в Даххарреган (Даххаркан — ныне центр бахша, расположен в 51 км к юго-востоку от Табриза. — Ю. Б.) для ведения мирных переговоров с Паскевичем; переговоры в Даххаррегана; план офицера-поляка на русской службе, через Семино предлагавшего Аббас-Мирзе захватить Паскевича и всех высших русских офицеров, находившихся в Даххаррегана, отвергнутый Аббас-Мирзой как нереальный; срыв переговоров и возобновление военных действий; переговоры в Туркманчае и подписание мира.

Записки неожиданно обрываются на следующей фразе: «В вечер подписания трактата я находился в одной комнате с Аббас-Мирзой и Паскевичем и их главными чиновниками. Когда вся церемония окончилась...» (л. 123б—129а и вкладной лист).

Достаточно этого оглавления, чтобы увидеть, какой интерес представляют записки Семино для историков. Не менее интересны они и для географов. Автор весьма основательного и подробного исследования, посвященного истории географических открытий в Иране, известный путешественник по Ирану австриец Альфонс Габриель³⁷ не упоминает Семино в своем труде, хотя и отводит в нем несколько страниц Монтейту, совместно с которым Семино работал. А. Габриеля нельзя обвинять в этом, ибо сам Монтейт не упоминает имени Семино ни

³⁷ Alfons Gabriel, *Die Erforschung Persiens. Die Entwicklung der abend-ländischen Kenntnis der Geographie Persiens*, Wien, 1952. О Монтейте — стр. 146—148 и др.

в одной из своих посвященных Ирану работ. Записки Семино³⁸ дают основание полагать, что он расстался с англичанами далеко не в дружеских чувствах. Как бы там ни было, топографические и географические изыскания Семино в Иране дают ему право занять достойное место в ряду географов, ликвидировавших белые пятна на карте этой страны.

Жуковский прекрасно понимал значение найденной им рукописи. Он перевел из нее наиболее интересные места, однако не довел работу до конца и не отдал перевод. Подлинник перевода Жуковского³⁸ занимает 44 исписанных с обеих сторон листа форматом 36×22,5 см. Он содержит письма Семино к Грегуару и де ла Мариньер, большую часть описания маршрута Табриз — устье Сефидруда и записки о военных действиях и мирных переговорах.

Для того чтобы читатель мог получить представление о содержании записок Семино, приводим в приложении № 2 с незначительными сокращениями отрывок из его письма к Луизе де ла Мариньер от 9 июля 1827 г. в переводе Жуковского.

Записки Семино следовало бы издать, с тем чтобы завершить начатую В. А. Жуковским работу.

Из материалов по истории Ирана конца XIX в. заслуживает внимания неопубликованная рецензия³⁹ Жуковского на книгу Евгения Белозерского «Письма из Персии»⁴⁰. Жуковский сурово и по достоинству критикует эту книгу, однако эта рецензия интересна для нас прежде всего потому, что представляет собой исторический документ: записки очевидца о положении в Иране вообще и в Исфагане в частности.

Показав, насколько «дугая и искаженная» (по выражению Жуковского) картина Ирана нарисована в книге Белозерского, он переходит к рассмотрению действительного положения в стране и дает меткую и беспощадную характеристику правителю Фарса и Исфагана Зилл ос-Султану Каджару, описывает голодные бунты в Ширазе и Исфагане, произвол и спекуляцию правительственных чиновников, грабежи, чинимые войсками, разрушение исторических зданий и т. д.

Рецензия эта была зачитана Жуковским на заседании Восточного отделения Русского археологического общества 24 сентября 1887 г., но по соображениям политического характера не была опубликована⁴¹.

³⁸ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 4/426—48.

³⁹ Там же, № 1/426—4 (на 48 страницах).

⁴⁰ Евгений Белозерский, *Письма из Персии*, СПб., 1886.

⁴¹ ЗВОРАО, т. II, вып. 3—4, 1888, стр. V.

Интересна, несмотря на неполноту данных, работа Жуковского «Роспись государственных доходов Персии за 1861 и 1856 гг.»⁴². Это — извлечение из книги Мохаммед Хасан-хана Этемад ос-Салтане «Китаб ал-маасир ва-л-асар», хроники событий времени правления Насер эд-Дин-шаха, одной из сравнительно немногих персидских книг XIX в., в которой имеются статистические сведения по Ирану. Для сравнения и проверки данных Жуковский привлек другие, как русские, так и персидские источники. Работа эта свидетельствует, насколько ясно он видел необходимость изучения экономики страны для понимания ее истории.

Работа «Европейцы и дом наук — „Дарольфонун” в Персии»⁴³, посвященная истории первого иранского университета, к сожалению, осталась незавершенной.

О неизвестной до сих пор «Краткой верной и правдивой истории» Али-хана Каджара Захира од-Доуле⁴⁴ говорится в нашей статье, опубликованной в этом сборнике. Здесь же приведен перевод отрывка из рукописи Али-хана Каджара, сделанный Жуковским.

В архиве Жуковского содержатся переводы из многих иранских газет о политическом и экономическом положении страны, переводы шахских манифестов, материалы об иранской прессе.

В особую группу материалов по новой истории Ирана следует выделить многочисленные письма к Жуковскому из Ирана. Многие его ученики по Учебному отделению восточных языков Министерства иностранных дел и Восточному факультету Петербургского университета были назначены на дипломатическую работу в Иран. Жуковский не порывал с ними связи и стремился из Петербурга руководить их научными занятиями. К сожалению, его письма к ученикам не сохранились. Можно, однако, смело утверждать, что указания Жуковского воспринимались ими как программа научной деятельности⁴⁵.

В то же время Жуковский был во многом обязан своим ученикам, попавшим в Иран. Со свойственной ему добросовестностью он всегда отмечал это, так как они способствовали успехам в его научной работе: наводили справки среди иранских ученых и «адибов», выясняли значения отдельных слов, встречавшихся

⁴² Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 1/426—13.

⁴³ Там же, № 1/426—14.

⁴⁴ Там же, № 2/426—21, 4/426—46.

⁴⁵ Н. Бравин в письме от 5. II. 1908 г. из Сеистана (Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 10/427—107) так и пишет: «...Вы по пунктам даете мне определенную программу».

в таснифах, которые Жуковский готовил к публикации, присылали газеты, книги и даже рукописи, регулярно осведомляли обо всех важных событиях, происходивших в Иране.

Благодаря обилию материалов о политической и культурной жизни Ирана в конце XIX—первом десятилетии XX в. письма учеников Жуковского являются важными источниками для исследователя, изучающего этот бурный в истории Ирана период. Особую ценность им придает то обстоятельство, что авторы писем часто бывали очевидцами и даже участниками описываемых ими событий.

Письма учеников Жуковского содержат также сведения о состоянии книжного рынка в Иране, о наиболее популярных литературных произведениях, характеристики видных политических и культурных деятелей того времени. Крайне интересны материалы по иранской периодической печати, заметки о персидских говорах, сведения о дервишских орденах, о народных сатирических произведениях, в которых высмеиваются ненавистные правители, и т. п.

Наибольшее значение имеют письма А. Р. Барановского, Г. Д. Батюшкова, Д. Д. Беляева, Н. Э. Бравина, М. М. Гирса, Н. Дубровина, А. Я. Миллера и В. П. Никитина.

Так, в письме консула А. Я. Миллера от 17 мая 1905 г.⁴⁶ содержится характеристика религиозной жизни Кермана. Описав возглавлявшего дервишский орден ни'матуллахи в Махуне некоего Хаджи Махмуд-хана, Миллер продолжает: «В самом Кермане дервишей почти нет, ибо сами керманцы не верят ни в черта, ни в кочергу и религиозными и философскими вопросами интересуются мало... Как бы в насмешку над «би масхабным»⁴⁷ характером керманцев, волею судеб, в Кермане имеются шииты, шейхí⁴⁸ со своим папой Хаджи Мухаммед-ханом Каджаром Серкари-ага, немного бабидов и атеистов, гебры, евреи, протестанты и мы, православные. Шейхí, боготворящие своего главу, составляют сплоченную партию. Все богатейшие помещики — шейхí. Шииты жили с ними в дружбе, пока не придрались к случаю, чтобы устроить им скандал из-за одного назначения. С Серкари-ага, которого грозились убить и прах его развеять по ветру, я в наилучших отношениях. Просил его до-

⁴⁶ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 10/427—121. — О печатных работах А. Я. Миллера см.: М. П. Петров, *Библиография по географии Ирана*, Ашхабад, 1955, стр. 119—120.

⁴⁷ Т. е. нерелигиозным.

⁴⁸ Шейхí — одна из шиитских сект, доктрины которой в значительной мере способствовали возникновению бабизма (см. Cl. Huart, *Essai sur le cheikhisme*, Paris, 1911).

стать мне почитать книги шейхй... Керманские бабиды никакой роли не играют...

В последнее время среди шиитов появился некий шейх Ахмед, обладающий исполинским ростом и красивою наружностью, но... почти безграмотный. Он фанатичен, конечно, ради шантажа, чтобы сорвать с шейхй и гебров, коих он громит с Кораном в правой и саблей в левой руке, хороший куш... Кроме того, ввиду большого успеха среди женщин, тащащих ему деньги, браслеты и серьги, можно быть уверенным, что и правоверные шииты уберут этого молодца подальше от Кермана, дав ему, в виде отступного, подъемные и прогонные».

Интересное описание народных волнений в Мешхеде дает в своем письме М. М. Гирс⁴⁹:

«В конце апреля (1903 г.) произошли в Мешехе беспорядки, слух о которых попал даже в европейскую печать, а в газете «Хабл ул-Метин»⁵⁰ появилось пространное и довольно правдоподобное описание событий. В самом Мешехе беспорядки эти породили целую литературу, два образчика коей при сем прилагаю... Брошюрки эти раскупались нарасхват.

Дело в том, что правитель Хорасана Нейир уд-Доуле, будучи самым крупным землевладельцем области (ему, например, принадлежит целый город Нишапур с округом), заставил остальных купцов устроить во главе с ним синдикат, который выпускал ежедневно на мешедский рынок минимальное количество зерна и притом по самой высокой цене. К концу апреля фунт хлеба печеного дошел до 10 копеек. Многотерпеливый народ не выдержал и потребовал от правителя хлеба. Тот угрозил суровыми мерами. Тогда огромная толпа во главе с женщинами, которые оказались храбрее мужчин, двинулась к арку (цитадели. — Ю. Б.). По дороге их встретил беглербеги со своими фаррашами и стал стрелять, убив двух женщин и одного ребенка. Толпа озверела, бросилась на дом своего полицеймейстера, сожгла и разрушила его до основания. Та же участь постигла еще дом одного богача. Тем временем все ба-

⁴⁹ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, 23/429—255.

⁵⁰ *حبل المتین* — иранская газета, основанная сейидом Джелал эд-Дином аль-Хусайни Муаййад аль-Ислам в Калькутте в джумади II 1311 г. х. (декабрь 1893 г.), пользовалась большим влиянием в Иране.

См.: محمد صدر هاشمی، تاریخ جرائد و مجلات ایران، جلد دوم، اصفهان، ص ۲۰۸—۲۰۰

В 1907 г. начало выходить также тегеранское издание «Хабл оль-Матин», редактором которого был Хасан Кашани. См. также: М. С. Иванов, *Иранская революция 1905—1911 годов*, М., 1957, стр. 538.

зары закрылись, хлеба нигде нельзя было получить, а правитель стал стягивать к городу войска и окружил себя пушками... Такое положение продолжалось около недели. В один прекрасный день около 1000 человек расположились на улице против нашего консульства и стали кричать, прося защиты. Муштеиды же прислали своих представителей, которые умоляли Богдавенского довести их жалобу до шаха. Богдавенский псехал к правителю и, видя, что с ним ничего нельзя сделать, согласился на просьбу духовенства... Тем временем, по взаимному соглашению с управляющим отделения Банка⁵¹, русско-подданным пекарям приказано было печь хлеб из муки, принадлежащей Банку... Хлеб этот... бесплатно раздавался беднейшим жителям... Еще через неделю пришло радостное и для народа и для нас известие об отставке Нейир уд-Доуле и назначении на его место двоюродного брата шаха, Руки уд-Доуле...»

В письме от 26 октября 1902 г.⁵², посланном Жуковскому из Исфагана, Барановский сообщал: «...Я достал очень злую повесть, насмешку надо всеми здешними властями, начиная с Зилли-Султана; пробирают всех здесь стоящих у власти, не щадя и известнейших ахундов и муштехидов. Ее теперь переписывают...»

Отправляя Жуковскому эту «повесть», Барановский писал: «Для большего наслаждения нужно знать всех фигурирующих там лиц: муштехидов Ага Неджефи и Ага Нурулла, их помощников — разных шейхов и прочих. Остальные типы — каргузар Фатх уль-Мульк, личный секретарь Зилли-Султана — Мирза Багыр-хан, наиб уль-хукуме Руки уль-Мульк — выведены там очень правдиво, но беспощадно. Брошюра составлена лицом, хорошо осведомленным со всеми имевшими за последние десять лет место в Исфагане событиями, и расходится здесь нарасхват, хотя, конечно, тайно. Нужно видеть бравых исфагани, передающих отрывки из этой брошюры, подражая действующим лицам, их жестам, манере говорить»⁵³.

Брошюры, высланные Гирсом и Барановским, послужили основным материалом для прочитанного Жуковским 20 ноября 1903 г. на заседании Восточного отделения Русского археологического общества доклада «Черты современного положения Персии в ее литературных произведениях»⁵⁴.

Среди вновь обнаруженных и не вошедших в опись Ромаскевича бумаг Жуковского сохранились его черновые наброски

⁵¹ Имеется в виду русский Учетно-ссудный банк Персии.

⁵² Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 23/429—252.

⁵³ Там же, письмо от 14.XII.1902.

⁵⁴ ЗВОРАО, т. XVI, вып. 1, 1904, стр. XVI.

к этому докладу: перевод отрывка из брошюры, присланной Гирсом, выписки из цитированного выше письма Барановского и заключение, в котором Жуковский благодарит своих друзей и учеников, находивших «время и охоту... по крохам собирать ценный материал». Заключение это полностью опубликовано Бартольдом в его некрологе «Памяти В. А. Жуковского».

III

Большая часть фольклорных материалов, хранящихся в архиве Жуковского, была им издана, а его заслуги в области изучения народного творчества получили заслуженную оценку. Однако, как отмечал В. В. Бартольд, в этой области Жуковский «выполнил не все, что им было намечено: между прочим, не появился в свет предположенный им к изданию сборник персидских романсов из коллекции Ханыкова, находящейся в Публичной библиотеке»⁵⁵. Жуковский не успел завершить подготовку к печати этого интересного и, очевидно, уникального сборника народных песен-таснифов, который хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В архиве имеются два списка, сделанных Жуковским с этой рукописи. Черновой список занимает тетрадь в 48 страниц большого формата⁵⁶, чистовой список⁵⁷, предназначавшийся, по всей вероятности, для сдачи в набор, занимает 112 листов большого формата, на каждом из которых каллиграфическим насхом Жуковского выписано по одному таснифу (рис. 1). На некоторых листах имеются глоссы, выписанные каллиграфическим шекасте, без сомнения, рукой перса.

Всего в сборнике 104 таснифа, причем для подавляющего большинства из них указано место происхождения (в скобках приводится количество таснифов):

Арделан (1), Азербайджан (1), Багдад (1), Бехбахан (1), Боруджерд (3), Джахром (1), Дизфуль (2), Герат (1), Гилян (1), Зенджан (1), Йезд (1), Исфаган (3), Кабул (1), Казвин (1), Кашан (2), Керман (3), Керманшах (1), Курдистан (1), Луристан (1), Мазендеран (1), Мешхед (1), Табриз (2), Тегеран (19), Урмия (1), Хамадан (2), Хешт (1), Хоррамабад (1), Шираз (26), Шуштер (4); без указания места (4); «лаки» (1), «араби» (1), «хинди» (1).

⁵⁵ ЗВОРАО, т. XXV, вып. 1, 1921, стр. 410.

⁵⁶ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/426—19.

⁵⁷ Там же, № 2/426—20.

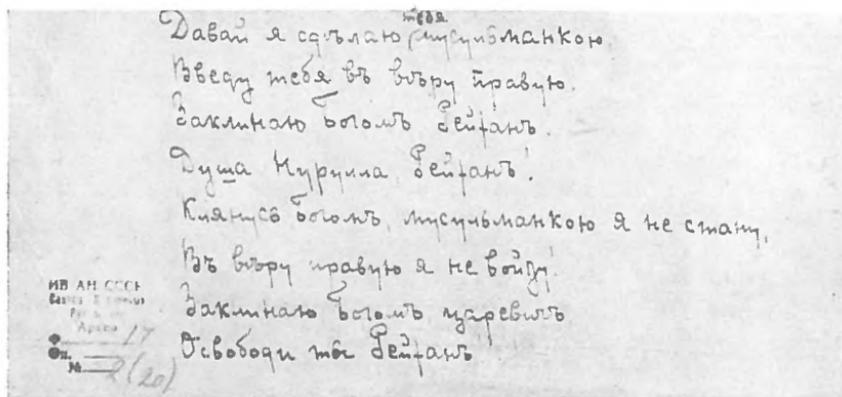
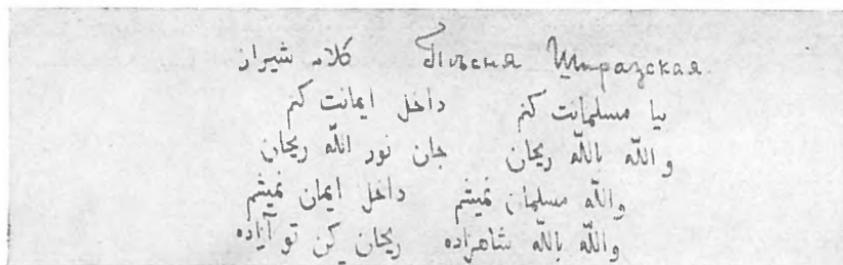

Рис. 1. Отрывок из текста и перевода ширазского таснифа по рукописи Н. Ханыкова «Маджма ат-таснифат» (Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/20, л. 106).

Как видно из этого перечня, в сборнике представлены образцы таснифов почти всех областей Ирана. Ценность рукописи увеличивается еще и потому, что таснифы, как известно, довольно быстро выходят из моды и забываются. Вполне возможно, что содержащиеся в сборнике таснифы больше нигде не записаны⁵⁸.

В сборнике преобладают лирические таснифы, но есть и несколько героических песен. Многие из них проникнуты мягким юмором, иногда издевкой; все они очень интересны как своей формой, так и подлинной поэтичностью содержания.

Жуковский перевел 31 тасниф, причем во время работы он встретился со значительными трудностями; судя по письмам

⁵⁸ Жуковский писал: «...намеченный мною для издания сборник «романсов».. из коллекции Ханыкова № 52 сделан, вне всякого сомнения, по заказу европейца» («Образцы персидского народного творчества», СПб., 1902, стр. 111, прим. 1). Это обстоятельство позволяет считать сборник уникальным.

его русских друзей из Ирана, даже ученые персы часто не могли истолковать то или иное слово из таснифов, разъяснить которое просил Жуковский.

Персидский текст таснифов, переписанный Жуковским, и его переводы вполне подготовлены к печати. Для публикации этого ценного памятника персидского народного творчества нужно перевести этот сборник до конца и снабдить издание комментариями.

Жуковский считал, что фольклорные произведения являются не только литературными памятниками, но и своеобразными документами, отражающими реальные исторические события. Стремясь глубже изучить жизнь Ирана, он собрал богатую коллекцию персидских песен и стихов, повествующих о страшном пятилетнем голоде, постигшем страну в семидесятых годах XIX столетия. Основная часть коллекции была составлена Жуковским во время его первой поездки в Иран, но некоторые образцы он получил от своих друзей и знакомых в последующие годы.

Со стихами о голоде Жуковский впервые столкнулся в Исфагане в 1885 г. Он писал Розену 20 января 1885 г.: «Из города является субъект с предложением сообщить стихи, которые народ сложил о бывшем в Персии в 1870 г. голоде и о терьяке (опиуме), которым, нужно сказать, только и поддерживается теперь Исфаган. Прослушал я и то и другое, вижу, что вещи очень серьезные, приказал прийти на послезавтра»⁵⁹.

Вскоре Жуковский записал эти стихи. Уже в письме от 2 февраля 1885 г. он сообщил Розену: «Песнь о голодовке, записанная со слов „таклидчи“, навела меня на мысль пуститься в поиски за прочтениями, относящимися к этой эпохе: голодовка, вызванная вначале распоряжением властей, а потом явлениями физическими, продолжалась около пяти лет в общей сложности и представляет собою явление, выходящее из ряда обыкновенных, которое никоим образом не могло пройти бесследно в памяти народной. Поиски мои в самом деле оправдали мои предположения: я получил два списка, не особенно длинных, но очень интересных».

Постепенно Жуковский собрал много стихов, из которых в его архиве сохранились следующие:

1) рассказ о голоде в Кашане, мусаддас в 68 бейтов. Персидский оригинал и копия с него Жуковского⁶⁰;

⁵⁹ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 164, письмо 2.

⁶⁰ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 7/427—61 с н 68. — Сообщения Жуковского о собираемых им стихах о голодовках см. в его письмах к Розену (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 9, № 164, письма от 20.I, 24.III, 21.IV, 19, V. 1885 г., 29.IV. 1886 г.).

2) два маснави о голодовках в Исфагане, Йезде, Кермане, Тегеране, Куме и Кашане в 1871—1873 гг. Первое имеет 99 бейтов, второе — 33. Оба маснави переведены Жуковским⁶¹;

3) три газали и одно маснави о голоде без названия⁶²;

4) песня о голоде 1867—1868 гг. из Шираза; маснави из 175 бейтов. Переведена В. А. Жуковским, но не полностью⁶³;

5) стихи о голоде 1898—1900 гг. Персидский оригинал и копия с него Жуковского, всего 30 бейтов. Переведены Жуковским, но не полностью⁶⁴;

6) маснави о голоде, на одном из диалектов района Исфaghана⁶⁵;

7) маснави о голоде, без особого названия, 85 бейтов⁶⁶.

В стихах описываются потрясающие народные страдания, когда население целых районов вымирало от голода, рассказывается о случаях людоедства. В некоторых стихах приводятся цены на хлеб, ячмень, рис, мясо, бобы, сыр. Все это, как и чисто литературные достоинства стихов, делают их заслуживающими издания.

Среди бумаг Жуковского имеется небольшая рукопись, озаглавленная «Несколько отрывков из народной поэзии Гиляна»⁶⁷. Она содержит 21 стихотворение на гилянском наречии (в транскрипции), собранное бывшим русским консулом в этой провинции В. П. Никитиным, и сделанные им же переводы этих стихов.

IV

К числу неопубликованных работ по персидской литературе принадлежит законченный Жуковским 23 июня 1897 г. перевод персидской версии «Повести о Б. л. в. х. ре и Юзас. фе (Варлааме и Иосафе)».

Этот «знаменитый роман, индийское происхождение фабулы которого, — по словам Розена, — уже давно не подлежит сомнению»⁶⁸, дошел до нас в различных версиях (греческой, арабско-христианской, арабско-мусульманской, еврейской, эфиоп-

⁶¹ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 7/427—67а, 69, 75.

⁶² Там же, № 7/427—70.

⁶³ Там же, № 7/427—71, 76.

⁶⁴ Там же, № 7/427—74, 77.

⁶⁵ Там же, № 7/427 — 72.

⁶⁶ Там же, № 7/427—73.

⁶⁷ Там же, № 9/427—97.

⁶⁸ ЗВОРАО, т. II, вып. 3—4, 1888, стр. 166.

ской, сирийской, армяно-грузинской и др.). Как известно, он привлек внимание таких крупных востоковедов, как В. Р. Розен, Н. Я. Марр и С. Ф. Ольденбург, и вызвал к жизни обширную научную литературу на русском и западноевропейских языках.

На существование персидского извода этой повести впервые обратил внимание европейских ученых С. Ф. Ольденбург⁶⁹. Он же опубликовал начало и конец повести, а также текст и перевод нескольких притч из нее, используя рукопись Британского музея⁷⁰.

Жуковский приступил к переводу по настоянию своего учителя Розена. Он использовал лубочное персидское издание повести, выпущенное в Тегеране в 1269 г. х. (1852/53), и текст ее в сочинении известного шиитского теолога Мохаммеда Бакира Маджлиси «Айн аль-хайат» («Источник жизни»)⁷¹.

Перевод Жуковского был просмотрен Розеном. Подлинник перевода занимает 126 страниц. Он снабжен кратким предисловием и несколькими примечаниями и может быть издан в таком виде⁷².

Остальные материалы по персидской литературе, сохранившиеся в бумагах Жуковского, неотделимы от материалов по суфизму, для изучения которого он так много сделал, опубликовав важнейшие памятники суфийской литературы.

«Главным предметом занятий В. А., со времени его первого путешествия в Персию до конца жизни, была религиозная жизнь персидского народа в прошлом и настоящем, но и в этом отношении опубликованное им в печати составляет только часть задуманного, отчасти даже обещанного», — писал В. В. Бартольд в некрологе «Памяти В. А. Жуковского». Из таких неизданных работ Бартольд упоминает, в частности, доклад, прочитанный Жуковским 8 ноября 1896 г. на заседании Восточного отделения Русского археологического общества, в котором он «дал необыкновенно яркий, художественно очерченный образ

⁶⁹ В. Р. Розен, *Персидский извод повести о Варлааме и Иосафе* (ЗВОРАО, т. III, вып. 1—2, 1889, стр. 273—276).

⁷⁰ С. Ф. Ольденбург, *Персидский извод повести о Варлааме и Иосафе* (ЗВОРАО, т. IV, вып. 1—2, 1890, стр. 229—265); описание рукописи см.: Ch. Rieu, *Supplement to the catalogue of the persian manuscripts in the British Museum*. London, 1895, № 380, p. 238.

⁷¹ Мохаммед Бакир ибн Мохаммед Таки Маджлиси, *Айн а-л-хайат*, Тегеран, 1240 г. х. (185/26), 268 листов.

⁷² Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 4/426—47. — Жуковский сделал доклад «О персидском лубочном издании повести о Варлааме и Иосафе», но текст доклада не сохранился в архиве (см.: ЗВОРАО, т. XVII, вып. 4, 1907, стр. XXXI—XXXII).

одного из главных хорасанских суфиев XI в., шейха Абу Са'ида Мейхенейского»⁷³.

В архиве Жуковского сохранился черновик этого доклада⁷⁴ на шести страницах большого формата, к которому приложено подробное описание гробницы Абу Са'ида в Мехне на четырех страницах такого же формата. Кроме того, в архиве имеется перевод первой главы из «Асрар ат-Таухид...», озаглавленный Жуковским «Начало жизни нашего шейха Абу Са'ида бен-Аби-л-Хейра»⁷⁵ и соответствующий страницам 12—45 и 85—96 изданного текста⁷⁶. Сохранились также выписки об Абу Са'иде, его наставниках, соратниках и учениках, о суфийских терминах и т. п., сделанные Жуковским из различных персидских рукописей и изданий⁷⁷.

К житиям суфийских старцев примыкают материалы о мусульманских подвижниках, собранные Жуковским по арабским и персидским источникам; всего в архиве имеются тринадцать составленных Жуковским биографий деятелей суфизма⁷⁸.

Сохранились также материалы, на основании которых Жуковский сделал 16 ноября 1899 г. упомянутый В. В. Бартольд⁷⁹ доклад «Беседы с дервишами современной Персии». Они состоят из заметок о различных дервишских толках: ни'матуллахи, увейси, рафаи, хаксар и др.⁸⁰ Материалы эти были собраны Жуковским в основном во время его второй поездки в Иран в 1899 г. Так, 25 июля он писал Розену из Зергендэ: «Беседой с дервишами, которые будут продолжаться и в городе, я очень доволен. Мне перепадает довольно много характерного материала, который свидетельствует о полном вырождении дервишизма...»⁸¹.

Некоторые материалы о дервишах были, однако, получены Жуковским раньше. Так, А. Р. Барановский прислал ему из Исфагана рукопись с изложением учения дервишского ордена хаксар «Рисала-йи хаксар»⁸².

⁷³ ЗВОРАО, т. XXV, вып. 1—4, 1921, стр. 407—408.

⁷⁴ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 1/426—9.

⁷⁵ Там же, № 4/426—44.

⁷⁶ «Тайны единения с Богом в подвигах старца Абу Са'ида. Толкование на четверостишия Абу Са'ида. Персидские тексты», СПб., 1899.

⁷⁷ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/426—25, 8/427—87, 8/427—89.

⁷⁸ Там же, № 1/426—16.

⁷⁹ ЗВОРАО, т. XXV, вып. 1—4, 1921, стр. 408.

⁸⁰ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 8/427—88.

⁸¹ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 167, письмо 9.

⁸² Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/426—36. — В Архиве ИВ АН СССР, в фонде В. А. Иванова (ф. 19, оп. 1, № 5/924), хранятся

Направляя Жуковскому в числе других сочинений эту рукопись, Барановский писал: «Наконец-то могу переслать Вам давно обещанные рисале, — быть может, они будут Вам интересны. Они в сущности вписаны были в маленькую книжку, причем в большом беспорядке, так что переписчику пришлось ныне не только переписать текст, но и внести в оный некоторый порядок — боюсь, что он внес тут немало отсебятины»⁸³.

Жуковскому не удалось выпустить в свет обещанную им еще в 1895 г.⁸⁴ монографию о жизни и творчестве видного поэта и суфийского деятеля Абдаллаха Ансари (1006—1088). Однако материалы, сохранившиеся в архиве, свидетельствуют о большой работе, проведенной им по изучению произведений поэта. Так, в архиве имеются две копии, сделанные Жуковским с рукописей «Мунаджат» (молитвенных воззваний) Ансари, написанных блестящей художественной прозой, пересыпанной стихами, причем одна копия сверена с тремя списками сочинения⁸⁵. По этой копии Жуковский сделал перевод «Мунаджат»⁸⁶.

Наибольший интерес из материалов по Ансари представляют два списка (черновой и переписанный набело) его четверостиший, составленных Жуковским по многим рукописям и изданиям⁸⁷. Всего он собрал 124 четверостишия Ансари, причем некоторые из них снабдил переводами и примечаниями, указывающими на наличие данного стихотворения в диванах других поэтов (Аттара, Хафиза, Руми, Хайяма и др.).

Имеется в архиве и жизнеописание («Нур ал-улум») муршида и наставника Абдаллаха Ансари, шейха Абу-л-Хасана

еще две рукописи رسالهٔ خاکسار. Первая из них приобретена В. И. Ивановым в Бирдженде (Иран) в 1913 г. и написана «дервишем Гулшен-Али-Шахом в гор. Бирдженде осенью 1912 г. со списка, имевшегося у него, с печатями его муршида и других лиц» (запись В. А. Иванова на л. 1а рукописи). Указанный трактат занимает стр. 1—125 рукописи (на стр. 125—246 находится «Рисала-йи ни'матуллахи»). Второй список «Рисала-йи خاکсар» переписан В. А. Ивановым с неуказанного источника, содержит 375 стр. (187 л.), переписка окончена 11.X.1914 г. в Ширазе. По содержанию списки отличаются друг от друга.

⁸³ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 23/29—252, письмо от 5 января 1903 г. См. также письма Барановского от 26.X.1902 г. и 14.XII.1902 г. из Исфагана (там же).

⁸⁴ В. А. Жуковский, *Песни Хератского старца* («Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 113).

⁸⁵ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/426—22 и 23.

⁸⁶ Там же, № 4/426—61.

⁸⁷ Там же, № 2/26—38, № 8/427—846. — К сожалению, нам не удалось установить, какие именно рукописи использованы Жуковским, так как они обозначены только сиглами (А, Б, В и т. п.).

Харакани, которое Жуковский готовил к печати. Эта работа была продолжена Е. Э. Бертельсом, который опубликовал текст и свой перевод «Нур ал-улум», снабдив их введением и комментарием. Описание хранящихся в архиве материалов Жуковского о Харакани⁸⁸ дано в работе Бертельса⁸⁹.

Чрезвычайно интересны хранящиеся в архиве материалы о творчестве одного из популярных классических поэтов Ирана Баба Тахира Хамадани (XI в.). Жуковский заинтересовался им еще во время своей первой поездки в Иран. Он сообщил Розену 15 февраля 1884 г., что переписал «четверостишия Баба Тагира Гамаданского в наречии лурийском»⁹⁰. Список состоит из 57 четверостиший⁹¹.

В 1888 г., критикуя издание четверостиший Баба Тахира, выпущенное Хюарсм⁹², Жуковский писал: «Не могу не заметить, что самое издание текста четверостиший Баба Тахира, предпринятое с филологической целью, сделано несколько поспешно и без надлежащей осторожности. Баба Тахир, если можно так выразиться, диалектологический поэт Персии. Мазендеранец, курд, бахтияр, седеец и др. считают его своим национальным поэтом, причем каждый, конечно, читает его по-своему.

Он, кроме того, народный и любимый поэт обыкновенных персов... Благодаря этому новейшие списки четверостиший и большое количество их литографий... с массою вариантов не отвечают требованиям филологии: нужно отыскать древнейший, если не современный список Баба Тахира, или же составить текст путем самого тщательного сравнения возможно большего количества списков»⁹³.

Однако все попытки Жуковского достать древний и надежный список стихов Баба Тахира не увенчались успехом⁹⁴, и ему пришлось приступить к составлению текста по имевшимся

⁸⁸ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 17/754—208.

⁸⁹ Е. Э. Бертельс, *Нур ал-улум. Жизнеописание шейха Абу-л-Хасана Харакани* («Иран», вып. III, Л., 1929, стр. 155—224).

⁹⁰ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, письмо 1.

⁹¹ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/436—18.

⁹² Cl. Huart, *Les quatrans de Bâbâ Tahir Uryân, en pehlevi musulman* («Journal asiatique», 8 ser., t. VI, 1885, p. 502—545).

⁹³ В. А. Жуковский, *Материалы для изучения персидских наречий*, ч. I, СПб., 1888, стр. V—VI, прим. 4.

⁹⁴ Письма Н. Э. Бравина, А. Р. Барановского и др. в Архиве ИВ АН СССР содержат указания на то, что Жуковский неоднократно просил их добыть для него рукописи стихов Баба Тахира; не удалось Жуковскому достать их и во время его второй поездки в Иран в 1899 г. (см.: В. А. Жуковский, *Кое-что о Баба Тахире Гольше* (ЗВОРАО, т. XIII, вып. 4, 1901, стр. 0106).

в его распоряжении сравнительно новым рукописям⁹⁵ и опубликованным произведениям поэта.

Жуковский привлек не менее пятнадцати источников, из которых удалось установить далеко не все, так как рукописи и издания, привлеченные к работе, обозначены Жуковским сиглами без расшифровки их⁹⁶.

В результате кропотливой работы он собрал 279 четверостиший, приписываемых Баба Тахиру, причем 262 из них перевел. Каждое четверостишие Жуковский выписал на отдельном листе и снабдил указаниями разночтений (рис. 2); к некоторым четверостишиям он составил примечания⁹⁷.

Кроме четверостиший Баба Тахира, в архиве имеются: описание могилы поэта, присланное Жуковскому из Хамадана консулом Д. Д. Беляевым в 1903 г., выписки биографического характера о Баба Тахире, сделанные для Жуковского П. Мелиоранским в рукописных хранилищах Вены, Берлина и Парижа, и список 46 четверостиший Баба Тахира, присланный Жуковским из Ирана в 1908 г.⁹⁸

Материалы о Баба Тахире и особенно составленный Жуковским текст четверостиший с разночтениями представляют особую ценность, так как до сих пор еще не вышло критического издания стихов поэта⁹⁹.

Как известно, в последние дни своей жизни Жуковский работал над стихами видного суфийского поэта Баба Кухи Ширази (XI в.). В архиве сохранился составленный им список текста стихов Баба Кухи (всего 284 стихотворения), над которым и застала его смерть (рис. 3)¹⁰⁰.

⁹⁵ В собрании ИВ АН СССР имеются три рукописных сборника, в которых содержатся стихи Баба Тахира: А 67 (переписан в 1789—1790 гг.) — 35 робан (наличие стихов Баба Тахира в этой рукописи установлено О. Ф. Акимускиным); А98 (без даты) — 59 робан; В1210 (без даты) — 96 робан (использован Жуковским). Описание В1210 см.: V. Rosen. *Les manuscrits persans de l'Institut des langues orientales*, vol. III, SPb., 1886, p. 281, № 99.

⁹⁶ Жуковский использовал также хранящиеся сейчас в собрании ЛГУ рукописи № 372 и № 934; на л. 182 текста Жуковского есть указание: «привлечена рукопись В. Ф. Минорского».

⁹⁷ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/426—41.

⁹⁸ Там же, № 9/427—103.

⁹⁹ Издание В. Дастгерди: *بايا طاهر، رباعيات، تهران، اميرکبير،*

چاپ دوم، ۱۳۳۴ ش.

не снабжено указанием разночтений и не может считаться критическим.

¹⁰⁰ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/426—39. — Подробнее см. статью А. Т. Тагирджанова «„Диван“ Баба Кухи в исследованиях В. А. Жуковского» в этом же сборнике.

V

В архиве сохранилось немало бумаг и документов, связанных с деятельностью Жуковского на посту декана Факультета восточных языков Петербургского университета и директора Учебного отделения восточных языков Министерства иностранных дел. Наиболее интересен из них «Очерк постановки практического востоковедения в западноевропейских государствах и России, истории возникновения Учебного отделения и обзор его 84-летнего существования» (47 машинописных страниц)¹⁰¹.

В конце 1907 г. специальная комиссия Министерства иностранных дел разбирала вопрос об упразднении Учебного отделения восточных языков «для осуществления значительной экономии... в средствах»¹⁰². Жуковский, присутствовавший на заседаниях этой комиссии, категорически возражал против такого решения, и ему было поручено составить записку с обоснованием целесообразности существования отделения, в результате чего и появился этот «Очерк». В первой части его Жуковский освещает постановку востоковедного образования в Англии, Австрии, Германии и Франции, рассматривает программы крупнейших востоковедных учебных заведений этих стран, их штаты, библиотеки и т. п. Во второй части говорится об истории создания Учебного отделения восточных языков, от первого проекта организации «Школы восточных языков при МИД» с собственной библиотекой и типографией, поданного в 1821 г. профессорами Петербургского университета Деманжем и Шармуа, и до «Высочайшего указа об учреждении при Азиатском департаменте МИД Учебного отделения для восточных языков», опубликованного 29 мая 1823 г. В третьей части Жуковский подробно разбирает программы Учебного отделения восточных языков, останавливается на истории библиотеки и собрания восточных рукописей и монет отделения и подчеркивает большую роль, которую сыграли в истории русского востоковедения такие выпускники Учебного отделения, как А. Ходзько (1828), А. Жаба (1828), В. Григорьев (1836), П. Савельев (1836), М. Гамазов (1889), А. Мельников (1854), Ф. Бакулин (1865) и многие другие¹⁰³. В заключение Жуковский отмечает необходимость дальнейшего улучшения качества преподавания в Учебном отделении восточных языков с целью выпуска еще более квалифицированных специалистов и предлагает проект необходимых для этого мероприятий.

¹⁰¹ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 12/427—178.

¹⁰² «Протокол заседания комиссии» (там же, № 12/427—177).

¹⁰³ В скобках указаны годы окончания Учебного отделения.

Не совсем верно Сирадь вь соудя пради (Томо)ира келься
 маспронь тукотю зрине на поверфнойа шорской восты.
 Мудь (эра) вьб - иранд, оуб Антуконь бвине оуб себя не мидеи
 мифиньце прудалел ед мидеи Которыи зреть
 Ракторь миде мте урине Маринь Зелин (пра), - сам Судеи Сирадинь
 какой тибуйе донь (Сирон) на твезодая Рамит.
 Туб Хоронь и Антуконь? Туб Кайковод и Деминь. Туб паринь
 Соломонь Туб мров и Вонь Дарид.
 Омань сарь и Улан, оубе тину и поринь
 Доказе нагодань оуб судеи
 мв. Сире мв. маверь. Вь вонде миде мидеи - поубо Туб

Рис. 3. Текст и перевод стихотворения Баба Кухи, над которым застала В. А. Жуковского смерть.
 Надпись «4 января 1918 г.» сделана акад. В. В. Бартольдом в день смерти В. А. Жуковского

Деловые бумаги Жуковского, сохранившиеся в его архиве, свидетельствуют о том, что он отдавал много времени и энергии административным обязанностям, к которым привык относиться с исключительной добросовестностью. Этим обстоятельством в значительной мере объясняется то вынужденное «научное молчание» Жуковского, в котором его иногда обвиняли.

В заключение следует отметить, что в настоящем обзоре не упомянуты материалы по археологии и диалектологии, описания рукописей, бумаги и документы из раздела «Разное». Объясняется это тем, что подавляющее большинство материалов по археологии и диалектологии было уже опубликовано. Остальные же представляют собой выписки и заметки подсобного характера. Описания рукописей, поступивших в Учебное отделение восточных языков Министерства иностранных дел после 1897 г.¹⁰⁴, послужили Жуковскому материалом для доклада 28 февраля 1908 г. в ВОРАО¹⁰⁵, но не были им закончены¹⁰⁶.

Приложение № 1

«ОТЧЕТ О ПРЕБЫВАНИИ В ПЕРСИИ» В. А. ЖУКОВСКОГО

«Первое истекшее полугодие моего пребывания в Персии было временем подготовительных работ. Исходя из того положения, что успешность моих занятий всецело зависит от свободы владения персидским разговорным языком, я счел для себя обязательным в первое время исключительное внимание обратить на этот предмет, насколько это от меня зависело и было в моих средствах. С приглашенным мною ученым туземцем проводил я ежедневно, начиная с октября месяца, от трех до пяти часов в беседе по поводу читаемых под его руководством сочинений, стараясь время от времени касаться и других вопросов, чтобы по возможности всесторонне обнимать разговорную речь, не приучая языка и уха к более или менее однообразным оборотам. Чтения наши начались с منطق الطير Феридаддин Аттара по тексту, изданному в 1857 г. в Париже Garcin de Tassy¹⁰⁷, причем я самым тщательным образом следил за им же сделан-

¹⁰⁴ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 3/426—42 и 43.

¹⁰⁵ ЗВОРАО, т. XIX, вып. 4, 1910, стр. VII.

¹⁰⁶ Описания эти следует учесть при составлении каталогов мусульманских рукописей ИВ АН СССР, работа над которыми сейчас ведется.

¹⁰⁷ Фарид эд-Дин Аттар (умер в 1222 или 1230 г.) — поэт и автор сборника биографий выдающихся суфиев. Имеются в виду издания: Garcin de Tassy, *Mantic uttair ou le langage des oiseaux... par Fariduddin Attar, publié en persan par...*, Paris, 1857; Garcin de Tassy, *Mantic uttair ou le langage des oiseaux, poème de philosophie religieuse, traduit du persan...*, Paris, 1863.

ным переводом (1863 г.), сопоставляя таким образом понимание текста европейским ученым с толкованием туземца: сколько промахов, ошибок, сколько хитроумных выдумок и сплетений там, где так ясен и прост смысл целых стихов и отдельных выражений!

Затем я перешел к логике и грамматике. И та и другая была мною усвоена по учебникам, принятым во всех медресе персидских, в частности по *كتاب المرسوم بالكبرى في دقايق علم المنطق* соч. Мир Сейид Шерифа¹⁰⁸ и по *كتاب شرح الامثلة*, которые составляют только часть книги, известной под названием *كتاب الامثلة*, *كتاب شرح الامثلة*, *كتاب صرف مير*, *كتاب التصريف*, *كتاب عوامل جرجاني*, *كتاب شرح العوامل*, *كتاب عوامل ملا محسن*, *كتاب عوامل منظومي*, *كتاب شرح الانموزج*, *كتاب الصمدية*, *كتاب شرح التصريف*, *كتاب الكبرى*, *كتاب اداب المتعلمين*, *كتاب الهداية*,

сборник этот составляет, так сказать, насущную пищу каждого талиба, в продолжение 1—1,5 года: он штудируется самым бессовестным образом от первой страницы до последней, задалбливается до такой степени, что истинный студент в стенах медресе не станет с вами вести беседы о предметах, изложенных в *جامع*, иначе, как словами того же *جامع*.

Покончив на время счеты с грамматикой, я вновь обратился к поэзии и взялся за диван Насири-Хосрова Аляви (ум. в 534 г.), часть которого издана в Тавризе в 1270 г., а два отдельных труда *سفر نامه* и *روشنائی نامه* в Европе Шефером¹⁰⁹. По существу

¹⁰⁸ Мир Сайид Шариф Джурджани [ум. в 816 г. х. (1413/14)]. Его многочисленные труды, написанные большей частью по-арабски, стали наиболее популярными учебниками в мусульманских медресе.

¹⁰⁹ Насир-и Хосров Алави Кубадийани (ум. после 1075 г.) — поэт, философ, исмаилит [Ch. Schéfer, *Sefer Nameh. Relation du voyage de Nassiri Khisrau en Syrie, en Palestine, en Egypte, en Arabie et en Perse, pendant les années de l'hégire 437—444 (1035—1042)*, Paris, 1881 (Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes, 11-ème serie, 1)]. Новые издания:

ناصر خسرو، سفر نامه، بتصحيح دبير سياقي، زوار، تهران، ۱۳۳۵، ص ۲۹ + ۱۰۵۱

ناصر خسرو، سفر نامه مقدمه بقلم علي قويم، تهران، ۱۳۳۵، ۱۱۲۰
русский перевод: Насир-и Хусрау, *Сафар-наме. Книга путешествия*. Перевод и вступительная статья Е. Э. Бертельса, М.—Л., 1933, 206 стр. Издание дивана:

ديوان اشعار حكيم ابو معين حميد الدين ناصر بن خسرو قبادياني، مقدمه بقلم سيد حسن تقی زاده و تعليقات بقلم علي اكبر دهخدا، تهران، ۱۳۰۷ (текст Рушнайи-наме включен в это издание).

своему моралист, философ и богослов, он в некоторых местах представляется крайне загадочным благодаря смелости в мыслях и выражениях, мало чем уступающих избранным перлам Омара Хайяма. К моему глубокому сожалению, я должен был скоро оставить его диван... полный идиотизмов (т. е. идиоматических выражений. — Ю. Б.) и слов, на которые подчас не дают никакого удовлетворяющего значения имеющиеся персидские лексиконы. Что касается вопроса о сличении манускриптов, то здесь его нужно поднимать с большой осторожностью. Правда, иногда случайно можно напасть на желаемую рукопись в руках китабфуруша ¹¹⁰ или другого лица, которые за незначительное вознаграждение охотно дадут ее на подержание, но воспользоваться для занятий книгой чьей-либо библиотеки весьма трудно. Доступ в них фля ференги ¹¹¹ окончательно закрыт; еще можно добиться при рекомендации и настоятельных просьбах влиятельных лиц, — человек же, который во всех мелочах предоставлен самому себе, кроме любезного отказа, ничего не встретит. Благодаря этому обстоятельству пишущий эти строки до сих пор питается слухами о библиотеках разных величин и достоинств, не имея возможности посмотреть на все сокровища этих книгохранилищ собственными глазами. Я не теряю, однако, надежды и при моих единичных стараниях проникнуть в китабхана при мечети, строящейся в настоящее время в Тегеране на средства покойного сипехсалара Мирзы Хусейн-хана ¹¹². Коллекцию, как мне говорили, в 8000 рукописей он составил главным образом из книг покойного Иттизад ус-Салтанэ Али Кули-мирзы ¹¹³, млад-

¹¹⁰ Книгопродавец.

¹¹¹ Еврпеец.

¹¹² Хаджи Мирза Хосейн-хан Казвини Мошир од-Доуле, впоследствии — сепасалар-и азам.

В 1267 г. х. (1850/51) был назначен премьер-министром Мирза Такиханом Амир-и кабир торговым представителем в Бомбее; в 1271 г. х. (1854/55) Мирза Хосейн-хан — генеральный консул в Тифлисе; в 1275 г. х. (1858/59) — иранский посол в Стамбуле; в 1288 г. х. (1871/72) получил титул сепасалар-и азам и назначен премьер-министром. После смещения был последовательно министром иностранных дел, губернатором Казвина, губернатором Хорасана и Сеистана. Умер в Мешхеде 21 зу-ль-хиджа 1298 г. х. (14 ноября 1881 г.).

См. воспоминания Мохаммед Хасан-хана Этемад ос-Салтане (см. о нем ниже, прим. 116), частично опубликованные *تاریخ محمود محمود، تاریخ روایت*

سیاسی ایران و انگلیس، جلد سوم، تهران، ۱۳۳۰، ص ۷۹۶

¹¹³ Али-Кули-мирза ибн Аббас-мирза ибн Фатх Али-шах Этезад ос-Салтане. В 1272 г. х. (1855/56) возглавил вновь созданное министерство наук, руководил известным «Дарольфонун», издавал несколько правительственных газет в Тегеране; автор и переводчик ряда трудов (умер в 1881 г.), см. о нем: С. А. Storey, *Persian literature. A bio-bibliographical survey*, vol. I, sec. II, fasc. 2, London, 1936, p. 238.

шего сына Фетх Али-шаха. Незначительная часть перешла к его наследникам, в частности к Абдус-Семед-мирзе, женатому на дочери царевича, часть, по обыкновению Востока, была неизвестно кем расхищена, остальные же книги купил сипехсалар за 15 000 туманов и, прибавив к ним манускрипты, приобретенные от других лиц, составил таким образом драгоценную библиотеку для колоссальной мечети. В настоящее время книги покоятся в мешках в ожидании окончания постройки. Брат сипехсалара, министр юстиции Мушир эд-Доулэ (Яхья-хан)¹¹⁴, заведующий постройкой мечети и имуществом Мирзы Хусейн-хана, замечательно внимательный ко мне и предупредительный, обещал мне показать библиотеку¹¹⁵ и даже разрешил в ней заниматься.

Не столь драгоценной, как библиотека сипехсалара, но во всяком случае заслуживающей внимания является китабханэ Сани уд-Доулэ... [который именуется] «везирем изданий и собственного Его Величества драгоманата»¹¹⁶.

Всякий, желающий пустить книгу в обращение, обязан представить упомянутому везиру два экземпляра ее и уплатить 2 крана (около 70 к. с.) независимо от ее содержания, объема и числа напечатанных экземпляров, за исключением тех случаев, когда напечатанная книга будет Кораном, который оплачивается

¹¹⁴ Яхья-хан Мошир од-Доуле, младший брат сепаксалара. Был губернатором Гиляна и Мазендерана, затем Фарса с 1885 по 1887 г. Был министром иностранных дел, потом министром юстиции. Умер в январе 1892 г.

¹¹⁵ О библиотеке сепаксалара см.: فهرست کتابخانه: ابن یوسف شیرازی، جلد اول، تهران، ۱۳۱۵.

¹¹⁶ Мохаммед Хасан-хан Сани од-Доуле, впоследствии Эгемад ос-Салтане. В. А. Жуковский посвятил ему некролог (ЗВОРАО, т. X, вып. 1—4, 1897, стр. 187—191). В настоящее время опубликованы новые материалы о биографии и трудах Мохаммед Хасан-хана; см.: محمد علی خان تربیت.

Биография и список трудов Мохаммед Хасан-хана в указанном сочинении полностью перепечатаны в «Истории иранской прессы», где есть дополнительные сведения об участии Мохаммед Хасан-хана в организации цензуры в Иране и о газетах, которые он издавал (см.: دانشمندان آذربایجان، جلد اول، اصفهان، ۱۳۳۷، ص ۳۱۲—۳۱۱، و بعضی دیگر).

О некоторых источниках историко-географических сочинений Мохаммед Хасан-хана см. статью Иредж Афшара «Список рукописей библиотеки Министерства финансов» в журнале فرهنگ ایران زمین، جلد هفتم، شماره ۱، تهران، ۱۳۳۷، ص ۳۷—۵۰.

Имеющие большое историческое значение дневники Мохаммед Хасан-хана за 1880—1896 гг. хранятся в Мешхедской библиотеке. До сих пор из них опубликованы лишь отдельные выдержки (см. примечание 112).

теми же двумя экземплярами, но уже тремя (3) туманами. После этого на книгу накладывается печать с изображением Льва и Солнца и словами ملا حظہ شد («рассмотрено»), которая, так сказать, разрешает книгу, но отнюдь не гарантирует ее от изъятия из обращения.

Побор натурою дал возможность Сани уд-Доуэлэ составить очень порядочную библиотеку печатных книг, не говоря о рукописях, которые он тщательно собирает через своих агентов.

Предоставляя себе уведомить Факультет о рукописях названных библиотек своевременно, я теперь препровождаю список новейших персидских литографий. Считаю нужным заметить, что в него не вошли издания, указанные Дорном в его «Catalogue des ouvrages arabes, persans et turcs, publiés à Constantinople, en Egypt et en Perse, qui se trouvent au Musée Asiatique de l'Academie», St. Petersbourg, 1866, а также литографии, которыми обладает библиотека нашего университета. Я не ограничился в списке исключительно персидскими, т. е. тегеранскими и тавризмскими (остальные города, в том числе и Исфган, нельзя брать в расчет, потому что в них книгопечатного дела совсем нет никакого)¹¹⁷, но включил в него и индийские издания (бомбейские), потому, во-первых, что они составляют весьма значительный процент в здешних книжных лавках, а во-вторых, потому, что Индия по преимуществу издает диваны персидских поэтов в полном объеме, а не в извлечениях; наконец, бомбейские издания как по наружной чистоте, так и по исправности текста стоят неизмеримо выше тегеранских и тавризмских¹¹⁸.

В списке моем есть отдел «литературы сказочной и детской» *بچه خوانی*, на который я должен обратить внимание. В первоначальных персидских училищах *مکتب خانہ* обучаются по преимуществу дети мужского пола, и только в некоторых можно встретить девочек; но они долго не остаются: достигших десятилетнего возраста родители спешат взять под свое крыло. Главная цель — обучение чтению и письму. Всюду принятым и распро-

¹¹⁷ В период пребывания В. А. Жуковского в Исфгане, Ширазе и других городах Ирана время от времени издавались газеты и выпускались некоторые книги, но они редко поступали на центральные книжные рынки, и ввиду полного отсутствия библиографии следить за ними было крайне трудно (см. упомянутую выше работу Садр-и Хашими).

¹¹⁸ Это утверждение В. А. Жуковского может быть принято лишь с известными оговорками. Часто индийские литографии персидских сочинений, в особенности диваны классических поэтов, изобилуют ошибками в тексте; как правило, ранние тавризмские и тегеранские литографии гораздо выше индийских по качеству текста.

страненным учебником служит иначе называемый پنچ الحمد. Это один из тридцати джузвов Корана — последний, содержащий все коротенькие суры. В начале приложен «алифба». Прочтя эту книжонку, мальчик получает Коран, который и поглощает с самого начала, поглощает в смысле простого чтения, потому что содержимое остается непонятным. После того переходят к чтению книг легкого удобопонятного содержания, вроде, например, موش و گربه соч. Убейда Заканского (Закан — деревня недалеко от Казвина)¹¹⁹. Эта побасенка пользуется большою популярностью, и редко можно встретить ребенка, женщину, мужчину, которые не помнили бы из нее стихов. Можно не знать многого и очень важного, но не знать موش و گربه — стыдно и непозволительно! Курс чтения подобного рода книг растягивается на 3—4 года, после чего имеющие возможность продолжать дальнейшее образование переходят в медресе, прочие же берутся за какое-нибудь ремесло, иногда становятся мирзами и пр. Таким образом, исключительно соками этой «детской» литературы питается значительная часть персидского населения¹²⁰. Изданий, вроде перечисленных у меня в разделе بیچه خوانی, весьма много, и все они общедоступны по цене: очень редко книга стоит 1 кран (35 к.), — большею частью цена не превышает 3,5... 10 шай (1 шай около 2 к.).

¹¹⁹ Убайд Закани (ум. в 1370—1371 г.) — поэт и сатирик. Избранные произведения его изданы Ферте: منتخب لطایف نظام الدین مولانا

عبید زاکانی، اسلامبول، ۱۳۰۳، ص ۱۲۹.

Кулийат издан в Иране: کلیات: قسم اول—غزلیات و

قصائد بتصحیح عباس اقبال قسم دوم — لطایف

(часть II — перепечатка указанного выше издания), изд. 3. Тегеран, 1334 г. х., 176+113 стр.; последнее издание «Мыши и коты» عبید

زاکانی، موش و گربه، بتصحیح زبیح بهروز و مقدمه دکتر محسن صبا، تهران، انجمن دستداران کتاب، ۱۳۳۵، ص ۲۵ (20 иллюстраций).

¹²⁰ Детская и сказочная литература, о которой здесь пишет Жуковский. «О сих пор пользуется огромной популярностью в Иране, и замечание Жуковского остается в силе и в настоящее время. Так, например, библиографический журнал «Китабха-йи мах» (کتابهای ماه), орган тегеранских книгопродавцов, сообщает (год издания второй, №1, 1337 г. х., солн., стр. 15): «Такие персидские легенды и сказки, как «Хосейн-и курд», «Амир-и Арслан», «Муш ва гурба»... всегда пользуются спросом, и до настоящего времени каждая из упомянутых книг переиздавалась тысячи раз».

Приложение № 2

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ОТ 9 ИЮЛЯ 1827 г.
БАРТЕЛЕМИ СЕМИНО К ЛУИЗЕ ДЕ ЛА МАРИНЬЕР ¹²¹

Перевод с французского В. А. Жуковского

«Я попробую дать Вам представление о том, что́ такое персидский лагерь. В центре помещается палатка государя, выше всех других; на верхушках трех столбов, которые ее поддерживают, находятся три золоченых вымпела. Эта громадная палатка внутри разделяется на несколько отделений и окружена в виде квадрата оградой из разрисованного холста... Снаружи он выкрашен в красный цвет, а внутри изображены сарбазы в натуральную величину... За этим громадным четырехугольником, заключающим все палатки, принадлежащие лично государю, расположены все прочие палатки принцев царской фамилии, министров и других важных особ двора, из которых каждый, смотря по благосостоянию или рангу, имеет более или менее обширную палатку белого, красного или голубого цвета; они поставлены там и сям, без всякого порядка и прямой линии, так что в лагере нет ни большой, ни малой улицы и нужно делать повороты и изгибы, чтобы из одной квартиры попасть в другую; нужно избегать веревок, которые тянутся далеко, а иногда миновать и конюшни... расположенные то направо, то налево от палаток их господ, без различия... Кухни здесь находились около конюшни.

Маленькие палатки, в которых помещаются «места для всех», почти всегда примыкают к палаткам их господ; в летние жары, они, должно быть, испускают отменное благовоние. Ровики этих мест чаще всего вырыты за маленькою палаткой, так что рискуешь свалиться в них, если бы пришлось пробираться через эти места ночью.

Базары находятся в середине лагеря, а в центре базаров возвышается громадный столб, наверху которого помещается род позолоченного брильного блюдечка, называемого капук: у подножья этого столба выставляются преступники или их головы; туда же бросают головы пленников, которые набивают соломой, если они посылаются издалека.

Было бы бесполезно искать форму в лагере персидской армии: ни круг, ни квадрат, ни какой другой род правильной фигуры не может быть ему уподоблен, в особенности нигде в нем положительно не может встретиться прямая линия...

¹²¹ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 4/426—48.

За несколько дней грязи накапливается столько в месте, где персы стоят лагерем, что не знаешь, куда ступить ногой, чтобы не попасть в извержения или не наступить на кишки животных, которых там закалывают и все нечистоты из которых остаются на том же месте... Лагерь всюду, вдоль и поперек одинаково загрязнен: право, днем выпадают часы, когда поднимается такое зловоние, что причиняет головную боль...

Полиция содержится в персидском лагере настолько плохо, что в Хое, хотя там находился сам государь, не проходило ночи без того, чтобы не совершались кражи во всех сторонах лагеря, — и они начинались тотчас, как закатывалось солнце... Всюду слышались крики: одни кричали на вора, другие «держи его, держи его!..»

Англичане, давно уже знающие, что такое персидский лагерь, имели предосторожность поставить палатки свои на добрый пушечный выстрел от шахского лагеря. Их лагерь отличается роскошью — красотой их палаток, сделанных в Индии. Вчера я был на завтраке у посланника. Я видел там евнуха из гарема Фатх Али-шаха, который явился от Тадж ад-Доулэ, шахской фаворитки, чтобы попросить несколько бутылок вина Бордо, которое англичане всегда держат в запасе на такие случаи: они извлекают выгоду из всего, что может им доставить влияние при дворе...

Войска шаха, грабившие друг друга в собственном Его Величества лагере, творили еще больше безобразий в деревнях и окружных селениях. Всю эту массу, без рацисна и аккуратного жалования, можно было сравнить с тучею саранчи, с ужасным остервенением в один момент уничтожающей все средства страны, через которую проходит. Но саранча уничтожает только хлеб, находящийся на поверхности земли, между тем как эти привилегированные грабители, захватив все, что только попало им в руки, рыли, кроме того, во всех деревнях землю, в надежде найти там то, что могли схоронить крестьяне. Опустошив окончательно какое-нибудь селение, вырвав из рук крестьян все, до последнего куска хлеба, они снимали балки, образывавшие крышу дома, чтобы воспользоваться ими, как топливом для приготовления пилава и т. п.

Когда я спрашивал объяснение у людей, которые казались мне наиболее сведущими... то меня уверяли, что это всего лишь только простой обычной, свойственный персидским войскам в походе: грабить свою же собственную страну по всем дорогам, по которым они проходят.

В Хое я был свидетелем прибытия крестьян, которые шли туда толпами, в лохмотьях, наполовину голые, без обуви, с об-

наженной головой, неся на теле знаки различных увечий, недавно полученных ими от персидских войск, против которых все эти люди и явились искать правосудия у государя. Шах приказал им ответить, что они должны добровольно доставлять средства пропитания своим гостям, которые издалека пожаловали для защиты их страны от неверных.

В другой раз он приказал некоторых из них наказывать палками. Это было причиною того, что более жаловаться не являлись. Тогда по всем дорогам, по которым подозревали движение шаха с войсками, несчастные жители как можно скорее покидали свои жилища и уносили с собою все, что только могли, в горы, куда их не преследовали, потому что крестьяне в гористых и скалистых местах защищали скот свой и добро, скатывая камни; но зато, возвращаясь к себе, они вообще принуждены были вновь отстраивать свои дома.

Я беседовал с некоторыми кавалеристами из войск Фатх Али-шаха, чтобы разузнать немного, как они расположены относительно сражений; я сказал, что они скоро будут иметь случай проявить удаль на поле битвы и что, я думаю, они должны все желать, чтобы эта счастливая минута настала возможно скорее. Они отвечали мне почти все, что совсем не желают сражаться, что они, добавили они, не настолько глупы, чтобы выставлять лошадь для потери ноги, — это заставит их 200 миль сделать пешком, чтобы вновь добраться до родных очагов. Они говорили мне, что при начале кампании правительство дало каждому из них только по 10 риалов — сумма, на которую они должны были обзавестись лошадью, вооружиться, экипироваться и оставить на содержание семейству до их возвращения. 10 риалов составляет только от 10 до 15 франков... Можно было наперед судить, в каком дьявольски блестящем положении окажемся мы на поле битвы против войск русских».
